

денной обстановке научной дискуссии каждый имел возможность внести свой вклад на основе собственного опыта и знаний в развитие той либо иной проблемы.

Подводя итоги трехдневной работы, все участники признали актуальность конференции и благородство ее темы.

© *Розанна Джакуинта (Италия)*

О ВОЙНЕ И МИРЕ НА БЕРЕГАХ ГУДЗОНА: КОНФЕРЕНЦИЯ «„WAR AND PEACE” AT WEST POINT»

В Военной Академии США в Вест-Пойнте (штат Нью-Йорк) 8—11 апреля 2010 года прошла международная конференция, посвященная «Войне и миру», к 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого.

Мысль о ее проведении в столь неординарной обстановке несколько лет назад возникла у профессора университета Торонто Донны Орвин, президента Международного Толстовского общества, и полковника Рика МакПика, главы Отделения иностранных языков в Вест-Пойнте. Надо сказать, что полковник МакПик — искренний и увлеченный поклонник Толстого, давно занимающийся его творчеством, чему была посвящена и его диссертация; он не раз выступал с докладами в Ясной Поляне. Конференция была задумана как междисциплинарная, ее организаторы были заинтересованы в привлечении к участию не только филологов, но и историков, политологов, социологов, специалистов по истории и теории национальных и международных отношений. На основе материалов конференции предполагается издание сборника научных статей — к 200-летию Войны 1812 года. В Вест-Пойнт прежде всего приехали ученые из ведущих университетов США и Канады, но с докладами выступили и европейцы, а в дискуссиях приняли участие и немногочисленные специалисты по творчеству Толстого из Ясной Поляны, Москвы и Петербурга. Языком конференции был английский.

Необычными даже и для американцев, получивших возможность изнутри увидеть жизнь военного города, не говоря об ученых с других континентов, были и декорации, и режиссура, и в целом — театральность этого научного события, вполне органичная для его «военной» тематики (мы оказались приближены к «театру военных действий»), его продуманная вписанность в распорядок жизни Военной Академии. Помимо докладчиков и модераторов, приглашенных для ведения заседаний и обсуждения конкретных тем, во всех событиях четырех дней конференции участвовали и кадеты, изучающие в Академии русский язык и литературу. На Отделении иностранных языков, возглавляемом профессором Риком МакПиком, их 1500 человек, и их специализация, помимо русского, — немецкий, французский, испанский, португальский, арабский, персидский и китайский языки. Академия, одно из самых престижных учебных заведений, дает военное, военно-инженерное и гуманитарное образование, но после обязательных по ее окончании пяти лет службы в армии только 20 % выпускников избирают военную карьеру, остальные могут или продолжить учебу, или работать в гражданской сфере.

Специалистам по «Войне и миру» в Вест-Пойнте предоставили возможность в подробностях изучить историю и современную жизнь основанной в 1802 году Академии, показали музей, мемориальное кладбище, храмы и часовни различных конфессий, в том числе и главную Кадетскую часовню (с самым большим в мире храмовым органом, созданным в 1911 году), концертный зал на 5 тысяч мест, казармы, где живут кадеты, пригласили на обед в столовой. В один из апрельских (совсем не жарких) дней исследователи проблем войны и мира участвовали и в военно-спортивных соревнованиях кадетов. Пришлось преодолеть не один километр вестпойнтской пересеченной слегка заболоченной местности, очень напоминавшей лес где-нибудь под Петербургом.

Близость армейских реалий, военного «театра», исторический зал на шестом этаже здания новой библиотеки (зал генерала Хэйга), где проходили заседания, с просторным видом на берега Гудзона, с парадными портретами генералов, участников исторических сражений XIX века, присутствие в зале кадетов — все это, несомненно, добавило красок и эмоций к конференционному академизму.

Первое заседание, которое вела Эдвина Круз, открылось докладом Керил Эмерсон (Принстонский университет) «О выгодах и невыгодах истории для беллетристики («Война и мир» Толстого)». Свое исследование она представила как часть широкой, продолжающейся в соавторстве с Инессой Меджибовской дискуссии о взаимодействии исторических и фикциональных элементов в «Войне и мире», у истоков которой в России стоял Ю. М. Лотман, в США — Гари Сол Морсон и Эндрю Уочтел. Речь в докладе шла о двух концепциях исторической беллетристики — как «истории в историях» и как «повествовании в фактах». У Толстого, по мнению К. Эмерсон, сложился третий тип наррации, названный ею «повествование-правда» («truth narration»), актуальность создания которого для писателя была обусловлена и его скептицизмом по отношению к гегелевской диалектике истории, и опытом исторического чтения (М. Погодин, Н. Устрялов и др.)¹¹ и недоверием к любому типу нарратива как посреднику в передаче подлинных событий. Созданный же в «Войне и мире» новый тип наррации, особый конструкт со своими правилами фиксации необходимых элементов, соответствовал новым способам видения Толстым реальности, включавшим такие особенности, как «сейчасность» (если использовать толстовскую лексику), как эмоциональная и интуитивно-иррациональная составляющие реакции на событие и ряд других. Это первое выступление, как и все последующие, вызвало в зале заинтересованную дискуссию.

Дэн Унгарияну (Вассар Колледж) в докладе «Использование Толстым исторических источников в „Войне и мире“», напомнив о работах Н. Апостолова и В. Шкловского, поставил своей задачей как разграничение типов источников, к которым обращался Толстой (а общее их количество было экстраординарным, заметил докладчик, сопоставимым только с документальными источниками у Солженицына), так и определение уровня доверия к ним Толстого и степени точности при их воспроизведении в романе.

Вечером в большом лекционном зале, в котором собралось 1500 кадетов, с программным докладом «Что есть героизм?» выступил Гари Сол Морсон (Нортвестернский университет), воодушевивший аудиторию яркими и провокативными идеями и положениями. «Литература, — сказал он, — преподаваемая в учебных заведениях, даже в священных стенах Академии, убивает великие книги. Надо полностью изменить порядок преподавания литературы и не канонизировать профессоров. В России любая великая книга становилась сакральной, превращалась в Евангелие или Библию, таков был

характер русского экзистенциального чтения». Обратившись к проблеме героизма в «Войне и мире», Морсон подчеркнул, что героические поступки показаны в романе как результат обычного, мирного опыта рядового солдата, его личного способа думать и действовать, однако именно от каждого отдельно взятого рядового зависят итоги войн и состояние армий, поэтому, по Толстому, в движении истории имеют значение неисторические причины и негероические события.

На втором заседании следующего дня, которое вел Майкл Деннер (Стетсонский университет), главный редактор «Tolstoy Studies Journal», с докладом «Клаузевиц и Толстой» выступил профессор истории Андреас Херберг-Роте (Университет Гумбольдта, Берлин). «Нотинг Карл фон Клаузевиц, — сказал он, — присутствует в „Войне и мире“ и как персонаж второго плана, и как теоретик, чьи идеи репрезентируются Толстым на метатекстовом уровне». Доклад в целом был посвящен эволюции философии войны у Клаузевица. По мысли Херберга-Роте, оригинальная концепция войны Клаузевица, оформившаяся на почве его экзистенциальных идей — о борьбе как индивида, так и субъекта войны (народ, государство, армия) за собственную идентичность и существование, — трансформировалась — в результате его участия в Русской кампании и войнах за независимость Германии — в представление о сугубо инструментальном характере войн. Общая его концепция, таким образом, соединяла идеи экзистенциальные и инструментальные. Однако, как отметил Херберг-Роте, Толстой в «Войне и мире» подверг критике в философии войны Клаузевица только инструментальную составляющую, сам же остался в пределах ее экзистенциального понимания.

В докладе «Неповиновение в „Войне и мире“» Элизабет Самет (Вест-Пойнт) представила роман Толстого как реализацию его тотального неповиновения — структурного (протест против жанровых канонов и литературной условности), исторического (протест против европейской мифологии) и идеологического (война как неповиновение законам жизни). Философия истории Толстого, сказала Э. Самет, может многое прояснить читателям XXI века, живущим в «эру постоянных конфликтов».

Модератором третьего заседания была Робин Миллер (Университет Брандайс), представившая доклад профессора истории Университета Нотр-Дама (США) Александра М. Мартэна «Наполеон в Москве: „Война и мир“ и свидетельства очевидцев». Докладчик начал с определения важнейших аспектов, которые отличают толстовское описание событий в Москве в 1812 году от большинства документальных свидетельств. Это, во-первых, социально-сословные параметры. Большинство героев Толстого или дворяне-помещики, или крестьяне, или те, кто занимается в городе отходным промыслом, т. е. его персонажи принадлежат к неурбанистическому обществу и в городе находятся временно. Очевидцы же событий в своем большинстве — представители городского среднего класса, и в своих свидетельствах они сообщают о разрушении специфической московской городской цивилизации мирного времени — об утрате собственности, о крахе торговли, общественного уклада, уличной жизни. Толстого эта урбанистическая инфраструктура интересует мало. Второй аспект, как отметил докладчик, это та интерпретационная линза, сквозь которую рассматриваются события 1812 года. Толстой изображает оборонительную войну, патриотическое сопротивление врагу единой нации крестьян и дворян, в рассказах же очевидцев, напротив, отразилось отношение к войне европейцев, переживших городские революции XIX века: москвичи среднего класса, как и участники событий на Западе, не испытывают чувства единства ни с аристократией (бе-

жавшей из города), ни с правительством (которое не защитило Москву), ни с городской беднотой (пьяной и дезорганизованной), ни с крестьянами (грабившими город). Для Толстого важна сословная солидарность, тогда как в рассказах очевидцев на первый план выступает глубокое социальное размежевание русского общества.

Донна Орвин (Университет Торонто) в докладе «„Война и мир“ с точки зрения солдата» проанализировала трехчастную рецензию на «Войну и мир» М. И. Драгомирова, знакомство с которой способствует более глубокому пониманию теоретических оснований концепции войны у Драгомирова и как участника боевых действий (солдата и командира), и как их хроникера. Чрезвычайно интересны для исследователя толстовского текста, подчеркнула докладчица, и многочисленные критические и полемические аспекты этой работы. Фактически каждый тезис толстовской философии истории находит у Драгомирова аналог — проблема героизма, роль личности (минимализация этой роли у Толстого), образ Кутузова, проблема личной свободы, детерминизм, соотношение социального и метафизического и многое другое.

На четвертом заседании, которое вел историк Патрик О’Меара (Университет Дарема, Англия), аудитории был предложен доклад профессора современной истории Алана Форреста (Университет Йорка) «Французы на войне: Репрезентация врага в „Войне и мире“». Докладчик напомнил о том, что, несмотря на сложившееся в XIX веке представление об истории как науке, ни один историк никогда не остается нейтральным репортером, все историки в той или иной степени зависимы от идеологии. Этот элемент субъективности часто распространяется и на документы, особенно на те из них, которые позволяют историку судить о личном опыте человека, о его индивидуальной реакции на события. Толстой, также писатель с идеологией, обращался и к подобного рода документам, когда писал «Войну и мир». А. Форрест рассмотрел ряд эго-документов, созданных в 1812 году французами и с французской точки зрения.

Джефф Лав (Университет Клемсона) в докладе «Великий человек в „Войне и мире“» обратился к понятию «величия» в романе. Рассмотрев эту проблему с точки зрения обмана и самообмана, докладчик пришел к выводу, что в романе присутствует знание того, что только неизбежная насильственная смерть открывает человеку его подлинную сущность. И только в эти мгновения познается его истинное или мнимое «величие».

Модератором пятого заседания был Илья Веницкий (Университет Пенсильвании), представивший аудитории Дэвида Велча, профессора политологии университета Ватерлоо (Канада). Его доклад «Толстой как теоретик международных отношений» прозвучал исключительно современно. Д. Велч убедил аудиторию в том, что «Война и мир» больше, чем роман, это и трактат о силах истории и о природе конфликтов. Хотя внимание Толстого сосредоточено на кампании Наполеона, но сказанное им о ее причинах и характере развертывания, несомненно, как отметил докладчик, имело более глубокий, обобщенный смысл. «Представление Толстого о действии исторических „сил“, — сказал Д. Велч, — можно столь же успешно (или неуспешно) распространить на любое из важнейших событий мировой политики. Я склоняюсь к мысли, что Толстой предсказал целый ряд направлений и тенденций в теории международных отношений. Так, он обозначил важнейший и, возможно, единственный из остающихся до сих пор без ответа вопрос: „Существует ли казуальная связь между участниками события и его структурой?“ Сам он в поисках ответа на этот вопрос потерпел неудачу. Несмотря на это, я убежден, что „Войну и мир“ следует

воспринимать как серьезнейшее исследование по теории международных отношений, книга может и должна быть прочитана и в этом свете». Докладчик затронул, разумеется, и проблемы исторического скептицизма Толстого, соотношения свободы и детерминированности, рационального и иррационального начал в толстовской историософии. Проблема международных отношений, заключил Д. Велч, осталась для Толстого проблемой метафизической, приблизиться к которой он смог именно как исторический романист.

Вступив в дискуссию с вопросом: «Что же конструктивного в теории Толстого? Только то, что он был честен?», — профессор Морсон на свой вопрос сам же и ответил. «Для Толстого, — сказал он, — существуют только метафизические ответы. Для него нет *достаточной* причины. Если признать, что существуют мириады причин и история столь же сложна, как сама природа, то мы имеем дело с особым, толстовским, типом детерминизма. Говоря о метафизических предметах, Толстой на этом и останавливается».

С заключительным докладом «Дуэль как микрокосм войны» выступил полковник МакПик. Начав с того, что сегодня концепция войны часто излагается «по Клаузевицу», докладчик сказал: «Два влиятельных философа войны Карл фон Клаузевиц и Лев Толстой использовали пример дуэли для объяснения читателям природы войны. Клаузевиц изображал войну как множественные дуэли, Толстой изобразил поединок как микрокосм войны». МакПик обратился к истории дуэлей в России и русскому дуэльному кодексу, особое внимание сосредоточив на идее насилия. На основе медленного, контекстуального прочтения эпизода, описывающего поединок между Пьером и Долоховым, он представил соотношение дуэли и войны «по Клаузевицу» и «по Толстому». Не был забыт и «поединок» Николая Ростова с французским офицером. С этих эпизодов, отметил МакПик, начинается изучение «Войны и мира» кадетами в Вест-Пойнте. В подтверждение чего присутствовавшие в зале кадеты буквально атаковали своего профессора вопросами, удивив слушателей и знанием текста романа, и остротой реакции на вопрос о личном участии в насилии и убийстве.

Вечером за ужином В. И. Толстой, директор музея Толстого в Ясной Поляне, свое выступление посвятил связанным с «Войной и миром» семейным преданиям и легендам.

Конференция продемонстрировала то, ради чего и была созвана, — актуальность изучения творчества Толстого как в педагогическом процессе, так и в современных академических штудиях.

© Я. Г. Глебова

«ТОЛСТОЙ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ».

V ВЕСЕННИЕ ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИМЛИ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО)

На Пятых ежегодных Толстовских чтениях в ИМЛИ (12—13 мая 2010 года), получивших название Весенних в память о родившейся весной Л. Д. Громовой-Опульской, исследователей (главным образом московских) объединила тема «Толстой и русские писатели». Отметив с сожалением недостаток внимания средств массовой информации к 100-летию со дня смер-